

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди тех, кто оставил свои размышления о Французской революции — знаменитая мадам де Сталь (1766-1817), дочь швейцарского банкира Неккера, самого популярного министра Людовика XVI. Прекрасно образованная, она с юных лет на равных беседует с известнейшими личностями своего времени, посещавшими салон ее матери. Брак со шведским посланником в Париже бароном де Сталь-Гольштейном не затрагивает чувства двадцатилетней девушки. Сторонница политических и нравственных свобод, де Сталь приветствует революцию. Но восстание 10 августа вынуждает ее покинуть Францию. После падения якобинской диктатуры де Сталь возвращается в Париж, где ее салон становится центром оппозиции к Наполеону, за что власти высылают ее из страны. Де Сталь пишет, путешествует, многие выдающиеся личности почитают за честь удостоиться беседы первой женщины-политика. В Париж она возвращается только после падения Наполеона.

«Рассуждения о главных событиях Французской революции» — последнее сочинение, вышедшее из-под пера мадам де Сталь и опубликованное уже после ее смерти, в 1818 году. Объемный труд из шести частей вместил в себя не только воспоминания де Сталь о событиях, очевидцем которых она стала, но и ее размышления о политике. Осмысливая революцию, ее причины и ее итоги, де Сталь в качестве образца разбирает английское устройство управления обществом, которое тогда считалось наиболее удачным, подводя к мысли о желательности следовать проверенным образцам и созидать без разрушений. В возвращении к власти «ничему не научившихся» Бурбонов де Сталь усматривает опасность возврата деспотизма и встает на защиту революции, явившей не только ужасы террора, но и величие человеческого духа. «Нельзя заставить свободу, подобно Лукреции, заколоть себя кинжалом, потому что она была осквернена», — пишет она. «Рассуждения...» высоко ценили декабристы, в частности Н.И. Тургенев, этой книгой зачитывались Пушкин и Карамзин.

Мадам де Сталь

РАССУЖДЕНИЯ О ГЛАВНЫХ
СОБЫТИЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ¹

ИСТОРИИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

Если сначала казалось, что события 10 августа имели целью захват власти, то убийства, начавшиеся спустя двадцать два дня после свержения монархии, стали разгулом злодеяний. Посчитали, что Террор заставит французов искать пристанища в военных лагерях. Станный, однако, способ — страхом осуществлять набор в армию. Подобное предположение оскорбительно для всей нации! Ибо не посредством запугивания, а вопреки ему, французы отбили нашествие иностранцев, желавших навязать им свои законы.

После 10 августа республиканцы не сумели стать хозяевами положения. Как только трон рухнул, им пришлось защищать самих себя, ибо они недооценили те ужасные орудия, которыми воспользовались для установления республики. Подробности ужасных убийств превосходят любые мыслимые представления и не поддаются воображению. Поэтому я ограничусь рассказом о том, что видела собственными глазами.

С 10 августа по 2 сентября производились новые аресты; тюрьмы были переполнены. На протяжении трех лет народ в петициях излагал свои требования; теперь народ потребовал наказания предателей. Предательством именовалась как принадлежность к классу, так и ко всему, что защищено законом и что хотели уничтожить.

Австрийские и прусские войска перешли границу, и полетела молва, что если иностранцы продвинутся вглубь страны, они истребят всех честных патриотов в Париже. Многие мои друзья

¹Из третьей части «Рассуждений о главных событиях Французской революции».

получили угрозы и теперь скрывались; каждый день им приходилось менять место пребывания. Сначала никто не хотел воспользоваться моим домом как убежищем, опасаясь, как бы он не привлек к себе внимания. Когда же больше не нашлось никого, кто осмелился бы укрыть изгнанников, двое из них пришли ко мне. Заперев друзей в самой дальней спальне, я провела ночь в комнате, окна которой выходили на улицу, и каждую минуту ждала, что ко мне явятся с обыском.

Утром слуга сообщил, что на углу улицы висит афиша, где изобличают де Нарбонна и приводят его приметы; а Нарбонн прятался у меня. И вскоре ко мне нагрянули с обыском. Если бы поставленного вне закона Нарбонна нашли, он погиб бы в тот же день; я понимала, что при обыске всего дома ему не спастись. Надо любой ценой этому помешать. Собрав все свое мужество, я почувствовала, что каким бы сильным ни было волнение, ты можешь подавить его, если от этого зависит жизнь другого человека.

Чтобы схватить объявленных вне закона, в Париже проводили обыски под руководством комиссаров, набранных из низших слоев населения; пока они обыскивали дома, на улице стояли вооруженные патрули, чтобы никто не смог ускользнуть. Сначала я напугала солдат, сказав им, что они совершают правонарушение, вторгаясь в дом посла, а так как они были не сильны в географии, я убедила их, что такая могущественная держава, как Швеция, тотчас двинет свои войска в наступление, ибо она граничит с Францией.

Людей из народа можно либо подкупить, либо отвратить: у них нет умеренности ни в чувствах, ни в идеях. Заметив, что мои доводы произвели на них впечатление, я начала шутить по поводу их несправедливых подозрений. Ничто так не располагает к тебе мужчин из низших классов, как шутка; ибо даже ненавидящие дворян любят, когда те обращаются с ними, как с равными. Благословляя Господа за силу, дарованную мне в тот грозный час, я проводила солдат до дверей. Но везение не могло длиться бесконечно, и малейшая неосторожность могла погубить изгнанника, накануне событий занимавшего высокий министерский пост.

О моих тревогах узнал доктор Больман, уроженец Ганновера. Больман предложил мне проводить господина де Нарбонна в Ан-

глию, дав ему паспорт своего друга. Такой поступок отличался несравненной отвагой, ведь если бы иностранца уличили в организации побега человека, объявленного вне закона, его бы тотчас приговорили к смерти. Но доктор Больман отважно осуществил свой замысел, и спустя четыре дня после отъезда из Парижа де Нарбонн уже находился в Лондоне.

Мне также достали необходимые бумаги, чтобы я могла уехать в Швейцарию. Но так как многим друзьям грозила опасность, я каждый день откладывала отъезд, желая узнать, что случилось с каждым из них; я не могла заставить себя бежать в одиночестве. 31 августа мне сообщили, что депутат Законодательного собрания де Жокур и Лалли-Толлендаль схвачены и доставлены в тюрьму Аббатства Сен-Жермен; в то время уже знали, что туда доставляют тех, кого хотят выдать убийцам.

Непревзойденный ораторский талант де Лалли помог ему. Он составил защитительную речь для своего товарища по заключению, и того благодаря красноречию де Лалли оправдали. Восхищенный Кондорсе сумел его спасти, а потом де Лалли нашел защитника в лице английского посла, в то время еще находившегося Париже. У Жокура поддержки не было; я попросила показать мне список членов Коммуны Парижа, которая распорядилась в городе. Я вспомнила, что один из них, по имени Манюэль, был не чужд литературной деятельности и стремился блеснуть умом. Убедившись, что любовь к похвалам может сделать его восприимчивым к просьбам, я написала Манюэлю и попросила у него аудиенции. Он назначил мне явиться на следующий день в семь утра. Я приехала, когда он еще не встал; пока я ждала у него в кабинете, я увидела его портрет, написанный, без сомнения, по заказу, что позволяло мне надеяться, что он не лишен тщеславия. Он вошел, и, отдавая ему должное, скажу, что, выслушав меня, он заколебался.

Описав непостоянство народа, я сказала: «Возможно, уже через полгода вы лишитесь власти (не прошло и полугодя, как он сложил голову на эшафоте). Спасите Лалли и Жокура, а если вы вдруг сами окажетесь вне закона, воспоминание об этом великодушном поступке станет для вас утешением». Непостоянный, идущий на поводу у своих страстей, Манюэль был способен на благородные поступки: его самого осудили на смерть за то, что

он защищал короля. 1 сентября он написал мне, что вернул свободу Жокуру. Обрадовавшись, что смогла спасти жизнь достойному человеку, я решила ехать на следующий день; одновременно я обязалась взять с собой аббата де Монтестью и, переодев его слугой, доставить в Швейцарию; я дала слуге аббата паспорт моего слуги, и мы условились о месте на дороге, где аббат де Монтестью будет меня ждать. Я не могла не приехать, не подвергнув опасности аббата, ибо он вызвал бы подозрения патрулей, сновавших по дорогам.

Утром 2 сентября пришло известие о взятии Лонгви и Вердена. Снова со всех сторон зазвучал ужасный набат, воспоминание о котором глубоко врезалось в мою душу в ночь на 10 августа. Мне хотели помешать уехать; но разве могла я поставить под угрозу безопасность доверившегося мне человека?

Бумаги мои были в порядке, и я решила, что лучше всего ехать в Берлине, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении слуг, одетых в парадные ливреи. Мне казалось, что при виде роскоши решат, что у меня есть право на выезд и пропустят беспрепятственно. Решение оказалось неудачным, ибо в подобные минуты не следует будоражить воображение народа; в самом плохоньком портшезе я была бы в большей безопасности. Едва моя громоздкая карета проехала несколько метров, как разъяренный рой старух набросился на нее с криками, что меня надо арестовать, что я хочу увезти золото нации... что еще?... тысячи других еще более нелепых оскорблений. Эти фурии собрали целую толпу, простолудины со зверскими физиономиями набросились на моих фореиторов и приказали везти меня в секцию квартала, где я жила (в предместье Сен-Жермен). Выходя из кареты, я ухитрилась шепнуть слуге аббата Монтестью, чтобы он уходил и предупредил своего хозяина.

Я вошла в собрание. Председатель заявил, что я хочу увезти с собой людей, поставленных вне закона, а потому они проверят всех, кто меня сопровождает. Обнаружив, что из указанных в моем паспорте лиц одного не хватает (того, кого я отослала), он потребовал препроводить меня в ратушу. Не было ничего страшнее такого приказа; мне предстояло выехать на Гревскую площадь и пройти по лестнице, где 10 августа перебили множество людей.

Путь из предместья Сен-Жермен до ратуши занял три часа; карета продвигалась сквозь толпу, требовавшую моей смерти; впрочем, гнев был направлен не столько на меня, сколько на большую карету и ливреи с галунами: в глазах народа такая роскошь могла принадлежать только тем, кого надо убивать. Еще не зная, насколько безжалостным становится человек, вовлеченный в революцию, я несколько раз обращалась за помощью к жандармам, окружавшим мою карету, но они отвечали мне угрозами. Моя беременность несколько их не смягчила; к счастью, жандарм, посаженный ко мне в карету, пообещал защищать меня даже с риском для собственной жизни. Главная опасность ожидала меня на Гревской площади, но у меня было время заранее подготовиться.

Выйдя из кареты посреди вооруженной толпы, я пошла вперед под сводом из пик. Когда я поднималась по лестнице, кто-то направил пику в мою сторону. Мой жандарм оградил меня своей саблей; если бы в эту минуту я упала, меня наверняка бы убили — народ уважает тех, кто держится независимо, но если жертва упала, ее приканчивают.

Войдя в помещение Коммуны, которую возглавлял Робеспьер, я с облегчением вздохнула, ибо мне удалось избежать смерти от руки черни; но какой защитник из Робеспьера! Секретарями служили Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн; на лице последнего красовалась двухнедельная щетина: видимо, он хотел избавиться от подозрений в аристократических замашках. Зал заполняли люди из народа, они кричали что было сил: «Да здравствует нация!» Стол президиума Коммуны находился на небольшом возвышении, позволяя тем, кто сидел за ним, переговариваться между собой. Меня пригласили сесть; и пока я приходила в себя, бальи де Вирье, посланец Пармы, арестованный в одно время со мной, заявил, что он меня не знает и не надо нас смешивать. Мне не понравилось отсутствие у бедняги рыцарского достоинства, и я убедилась, что должна помочь себе сама. Итак, я заявила, что, будучи посланницей Швеции, имею право покинуть страну и паспорт свой получила на основании этого права. Неожиданно вошел Манюэль; увидев меня, он удивился, и, поручившись за меня, вывел из этого ужасного помещения, и запер вместе с моей горничной у себя в кабинете — до тех пор, пока Коммуна не решит мою участь.

Там мы провели шесть часов, умирая от голода, жажды и страха. Окно Манюэля выходило на Гревскую площадь, и мы видели, как, размахивая окровавленными руками, из тюрем возвращались убийцы.

Моя карета стояла посреди площади, но когда народ попытался разграбить ее, высокий человек в форме национального гвардейца вскочив на кучерское сиденье, запретил черни касаться моих вещей. В течение двух часов он защищал мой багаж, отбиваясь от осаждавшей его толпы, и я не могла понять, почему. Вечером этот человек вместе с Манюэлем пришел в комнату, где я сидела взаперти. Им оказался пивовар Сантерр, торговец из предместья Сент-Антуан, в дальнейшем прославившийся своей жестокостью; в голодные времена он видел, как мой отец безвозмездно раздавал зерно, и оставался ему за это признателен. Взяв под охрану мой экипаж, он получил предлог не идти на помощь узникам в тюрьмах, ибо, как командир Национальной гвардии, он был обязан это сделать, а ему не хотелось. Поэтому, когда он похвастался мне, что защищал мое добро, я напомнила ему о том, чем ему следовало заниматься в это время. Манюэль же взволнованно воскликнул: «Ах, как хорошо, что я вчера освободил ваших друзей!» Страдая от совершаемых в тот день убийств, он не мог противостоять им. С каждым шагом под ногами того, кто обладал властью, разверзалась пропасть, и стоило лишь оступиться, как она поглощала его.

С наступлением темноты Манюэль отвез меня домой в своем экипаже; из-за боязни утратить популярность он не стал провожать меня при свете дня. Его часто останавливали, чтобы узнать, кто он, но когда слышали в ответ: «Прокурор Коммуны», почтительно приветствовали его революционный сан.

Приехав ко мне, Манюэль сказал, что мне пришлют новый паспорт, однако мне позволено взять с собой одну лишь горничную. До границы меня проводит жандарм. На следующий день Тальен, тот самый, кто двадцать месяцев спустя, 9 термидора, избавил Францию от Робеспьера, пришел ко мне — Коммуна поручила ему сопровождать меня до заставы. У меня в комнате собрались несколько человек, скомпрометировавших себя в глазах нынешней власти, и я попросила Тальена не выдавать их; он обещал и обе-

щение сдержал. Вместе с ним я села в свою карету, и мы с друзьями расстались.

За пределами Парижа я столкнулась со многими трудностями, но справилась ними; чем дальше от столицы, тем менее грозной казалась волна, вызванная бурей, а в горах Юры уже ничто не напоминало об ужасном возбуждении, царившем в Париже. Однако всюду французов призывали дать отпор иностранным армиям. Признаюсь, в то время я видела лишь убийц, чей кинжал был занесен над покинутыми мною друзьями, над королевской семьей и над всеми честными людьми Франции.

ОБ ИНОСТРАННЫХ ВОЙСКАХ, ВЫТЕСНЕННЫХ С ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ В 1792 ГОДУ

Узников в Орлеане постигла участь парижских узников, священников растерзали у подножия алтарей, королевскую семью арестовали и отправили в Тампль. Созвали Национальный Конвент, и на глазах у монархов, чьи войска стояли в сорока лье от Парижа, провозгласили Республику. Большая часть французских офицеров эмигрировала, солдаты, не успевшие разбежаться, никогда не воевали, а управление армией пребывало в ужасном состоянии. Решение об отправке на фронт добровольцев отличалось величием, и вскоре во всех сердцах пробудился интерес к французской нации; если бы, вернувшись к своим очагам, воины-победители сумели бы сбросить революционеров, дело Франции оказалось бы в выигрыше.

Несмотря на преступления, коими запятнала себя та эпоха, настроение в обществе 1792 года было достойно восхищения. Поступив на военную службу, граждане жертвовали собой ради своей страны, и ни личные счеты, ни любовь к деньгам или к власти не влияли на боеспособность французской армии. Европа на удивление уважительно отнеслась к неожиданно встреченному ею сопротивлению. Вскоре преступная ярость охватила господствующую партию, и с той поры за злодеяниями вереницей последовали пороки: печально, если это и есть совершенствование рода человеческого!

ПРОЦЕСС ЛЮДОВИКА XVI

Какой сюжет! Его уже столько раз обсуждали, что здесь я позволю себе лишь несколько замечаний.

В октябре 1792 года, прежде чем Людовик XVI назвал имена своих защитников, Неккер выразил готовность возложить задачу защиты короля на себя. Он опубликовал записку, которая станет для потомства правдивым и беспристрастным свидетельством в защиту добродетельного монарха. Король своим адвокатом выбрал Мальзерба. Ужасная кончина этого человека и его семьи затмила память о других защитниках.

После отъезда Людовика XVI в Варенн с ним обращались как с узником, а потому он не содействовал исполнению конституции, которую можно было бы сохранить. С какой деликатностью Неккер защищал истину и верил в нее!

«Людей справедливых восхитит в короле терпение и сдержанность, проявленные им, когда все вокруг рушилось, и когда он подвергался оскорблениям; но даже если он совершал ошибки, разве не на новую форму правления следовало бы за это пенять? Не кроется ли причина в самой конституции, превратившей монарха в видимость? В конституции, где глава исполнительной власти не мог понять, ни какая роль ему отводится, ни как ее следует исполнять, где каждое слово обманывало монарха и превратило его в короля без роду и племени? В конституции, где трон не пользовался уважением, где монарх не располагал средствами заставить свои приказы исполнять, и по самовольству Собрании, единственного, кто обладал правом принимать решения, выступал попеременно то государственным чиновником, то наследным представителем нации? Как можно требовать от монарха, угодившего в частые сети невразумительной политической системы, в конце концов ликвидированной самими депутатами нации, последовательности в исполнении решений, когда вокруг него беспрерывно меняются понятия? Разве справедливо судить монарха за его мысли, рожденные в ходе невиданной доселе революции, когда ему пришлось приспособливаться не только к вещам о которых заранее нельзя было составить представление?»

В своей записке Неккер перечисляет благодеяния царствования Людовика XVI до революции: отмена остатков крепостного права, отмена предварительного допроса, отмена барщины, созыв Генеральных штатов. «Разве Людовик XVI, устремивший взор свой на прибежища нищеты и приюты для несчастных, не заботился об улучшении содержания в тюрьмах и больницах? — вопрошал Неккер. — Разве он, единственный из правителей французской империи, не считая Людовика Святого, не дал пример чистоты нравов? Разве не в заслугу следует поставить ему набожность без суеверий и щепетильность без нетерпимости? И разве не при нем немалая часть жителей Франции (протестанты), преследуемая при стольких королях, получила не только законную защиту, но и гражданское состояние, позволившее им разделить преимущества общественного устройства? Эти благодеяния остались в прошлом; но где же разве признательность за добродетель?»

Но более всего поразил не столько сам приговор, сколько отсутствие почтения по отношению к Людовику XVI на протяжении всего процесса. Когда председатель Конвента говорит своему бывшему королю: «Луи, вы можете сесть!» — испытываешь большее возмущение, нежели когда короля обвиняют в проступках, которые он не совершал. Тот, кто вознесся из грязи, не чтит воспоминания, когда они освящены несчастьем, а низость вкупе с преступлением внушают и презрение, и ужас. Ни один великий человек не был замечен среди тех, кто подтолкнул Конвент осудить короля; народ негодовал или затихал, но даже такой красноречивый оратор, как Верньо не мог повлиять на умы.

Большинство депутатов, защищавших короля в Конвенте, пошли по ошибочному пути. Они объявили короля виновным, и один из них сказал с трибуны, что *«Людовик XVI является предателем, но нация должна его простить»*; они назвали это тактическим приемом! Они считали, что надо потакать господствующему мнению, чтобы в урочное время изменить его. Каким образом столь замысловатый расчет мог помочь в борьбе против врагов, со всей силой обрушившихся на свою жертву? Во Франции капитуляцию всегда поддерживает большинство. Сила меньшинства заключается исключительно в силе убеждения. Слабость меньшинства заключается в слабости его суждений.

Не сумев найти улики против короля, Сен-Жюст воскликнул: «Никто не может царствовать безнаказанно!» — и эта максима является лучшим доказательством необходимости неприкосновенности королей, ибо если не защитить монарха оградой конституции, всегда найдется, в чем его обвинить. Конституция, охранявшая трон Людовика XVI, не подразумевала защиту короля, она гарантировала его неприкосновенность.

Жирондисты хотели спасти короля, и для этого потребовали обратиться к народу; однако они консолидировались с якобинцами, повторяя, что король заслуживает смерти. Так они демонстрировали свою незаинтересованность в исходе процесса. «В моем сердце, — говорил Бирото, — Людовик XVI уже осужден, но я требую обращения к народу, чтобы народ приговорил его». Жирондисты требовали правомочного суда; но разве не были бы их речи более действенными, если бы они выдвигали требования в защиту невиновного, а не взывали к спасению преступника? Французы, став гражданами, еще не осознали, что надо быть умеренными, когда они сильны, и отважными, когда они слабы.

Во время процесса трудно было понять, откуда бралось изобилие слов, расточаемых ораторами в Национальном Конвенте. От жаждавших смерти короля ожидали ненависти и осуждения, они же проявляли остроумие и ораторское искусство: тщеславие пробивало дорогу на политическую сцену!

Самым ярким среди американских демократов был Томас Пейн; однако в его политических преувеличениях не было ни расчета, ни лицемерия; он высказал то единственное предложение, которое, будучи принятым, могло бы сделать честь Франции — предложение дать королю пристанище в Америке. Американцы, говорил Пейн, признательны ему, ибо он поддержал их борьбу за независимость. Если рассматривать такое решение с республиканской точки зрения, оно было единственным, способным ослабить приверженность французов монархии. Людовик XVI не мог вернуть корону силою оружия, а отсутствие сочувствия не могло породить преданности. Смертный приговор, вынесенный самому честному и наименее опасному человеку во Франции, самоустраившемуся от решения своей участи, стал страшной почестью, которую воздали его бывшему величию. В предложенном Пейном

решении было больше республиканского духа, оно стало бы менее устрашающим и более справедливым.

Людовик XVI признал суд, перед которым он предстал, и с кротостью отвечал на все вопросы. Когда председатель спросил, почему 10 августа он стянул во дворец войска, Людовик XVI ответил: *«Дворец находился под угрозой, все установленные конституцией власти это видели; а так как я сам был установленной властью, я обязан был защищать себя»*.

Мальзерб, бывший министр короля, выступил его защитником. Вместе с Тюрго и Неккером он в свое время советовал Людовику XVI добровольно принять принципы свободы. Теперь он явился защищать дело короля перед народом, как некогда выступал перед королем в поддержку дела народа.

Гара, бывший тогда министром юстиции, утверждал, что когда он зачитал королю смертный приговор, тот встретил его с неподражаемым спокойствием; единственный раз он презрительным жестом выразил свое возмущение статьей обвинения, где утверждалось, что он хотел пролить кровь французского народа. Его совесть возмутилась, все остальные чувства он сумел сдержать.

Осуждение Людовика XVI до того смутило все сердца, что на долгое время революция казалась проклятой.

О КАРЛЕ I И ЛЮДОВИКЕ XVI

Многие приписали несчастья Франции слабости характера Людовика XVI. Напомним, что поведение Карла I было противоположно поведению Людовика XVI, однако обе системы привели к катастрофе: революцию нельзя победить, ибо ее сила кроется в поддержке ее большинством народа!

Иаков I, отец Карла, говорил: *«можно осуждать поведение королей, но нельзя ставить под сомнение их власть, как нельзя сомневаться во власти Бога»*. Карл I любую уступку рассматривал как меру предосудительную и политически недальновидную, Английский парламент заседал с незапамятных времен, и мнение его для введения очередного налога спрашивали по обыкновению. Парламент предоставлял субсидии на несколько лет, король не обязан был созывать парламент ежегодно, и часто налоги про-

должали собирать без возобновления на то согласия народных представителей. Парламент всегда протестовал против подобного злоупотребления; ссора общин с Карлом I началась именно на этой почве. Его обвиняли во введении двух налогов без согласия парламента. Раздраженный король, приказал распустить парламент; и двенадцать лет не созывал нового. Ссора Людовика XVI с парламентом началась, как и ссора Карла I, с финансовых затруднений; но Людовик XVI созвал Генеральные Штаты, не собиравшиеся во Франции почти двести лет.

Людовик XIV отменил привилегии Парижского парламента, включая право ремонстраций. Генрих VIII заставил принимать свои указы как законодательные акты. Следовательно, и Карл I, и Людовик XVI могли считать себя наследниками абсолютной власти, с той разницей, что англичане, отстаивая свои права, опирались на прошлое, а французы требовали сделать новый шаг — созыв Генеральных Штатов не был прописан ни в одном законе. Людовик XVI не был обязан созывать Генеральные Штаты; двенадцать лет не созывая парламент, Карл I нарушил традиционные привилегии.

При Карле I во время двенадцатилетнего перерыва в работе парламента Звездная палата, суд, исполнявший волю короля, выносила жестокие приговоры. Суровые наказания настигали тех, кто отказывался платить налоги, введенные простым королевским указом; Осужденных приговаривали к уплате крупных штрафов, чтобы окончательно их разорить; с особой свирепостью подавлялась свобода прессы. Людовик XVI не поощрял произвол и использование «писем с печатью», на основании которых можно было без суда и следствия отправить человека в изгнание или заточить в тюрьму; ему нельзя вменить в вину ни одного тиранического поступка. Его первый министр от имени короля призывал всех, кто пишет, сообщать свое мнение о составе и созыве Генеральных Штатов.

В Англии установилась протестантская религия. Но так как главой англиканской церкви является король, то Карл I оказывал большее влияние на церковь, нежели король Франции. Англиканское духовенство во главе с епископом Лодом было деспотическим и более строгих взглядов, чем духовенство французское, ибо часть верховных прелатов галликанской церкви попала под

влияние философов; Лод был гораздо более ортодоксален, чем кардинал Роган, первый среди епископов Франции. Церковную власть и иерархию Карл I поддерживал суровыми мерами, дабы заставить уважать англиканское духовенство. Французское духовенство совершенно не защищалось, и его не защищали; но и англиканская церковь, и церковь во Франции были разгромлены во время революции.

Английские дворяне не эмигрировали, не призывали иностранцев в свою страну; во время гражданской войны они сражались вместе с королем. Философские принципы, бывшие во Франции в моде в начале революции, подталкивали дворян смеяться над собственными привилегиями. Дух XVII века не давал английскому дворянству сомневаться в своих правах. Звездная палата особенно строго карала тех, кто позволял себе осмеивать лордов. Французам шутить никогда не запрещали. Английские дворяне были глубокомысленны и серьезны, тогда как дворяне французские легкомысленны и насмешливы; но и те, и другие лишились своих привилегий и были разгромлены.

Говорят, что влияние Парижа на всю страну стало одной из причин революции. Лондон никогда не имел влияния на всю страну, потому что, в отличие от знати французской, английская знать в основном проживала в провинции. Считают, что предупредить революцию мог бы министр, подобный кардиналу Ришелье, в то время как первый министр Людовика XVI, Неккер, исповедовал республиканские принципы. Министр и фаворит Карла I граф Страффорд отличался жестким деспотическим характером, что давало ему превосходство в борьбе за абсолютную власть. Неккер пользовался во Франции огромной популярностью; графа Страффорда народ ненавидел, но обоих революция свергла и принесла в жертву: Страффорда — потому что против него выступили общины, Неккера — потому что придворные потребовали его отставки.

Людовика XVI (и это самое примечательное различие) упрекали в том, что он не ответил на силу силой и боялся развязать гражданскую войну. Карл I первым начал гражданскую войну и не признал правомочность приговорившего его суда; Людовик XVI не высказал ни единого слова протеста против своих судей. Карл I был бесконечно выше Людовика XVI по духу, как личность и как

полководец; между обоими монархами нет ничего общего, кроме их кончины.

Однако существовала общность чувств, которая одна и может объяснить сходство судеб: в глубине души Карл I склонялся к католицизму, осужденному общественным мнением Англии, а Людовик XVI хотел сохранить прежние политические институты Франции. Эта общность погубила их обоих. В современном мире наука руководить заключается в искусстве управлять общественным мнением или же вовремя уступать ему.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ФАНАТИЗМЕ

Мирские страсти всегда являлись частью религиозного фанатизма, вера в абстрактные идеалы питает политический фанатизм. Общественный порядок не является совершенным зданием, и все же его следует принимать как данность; но уступки, на которые приходится идти ради его существования, терзают жалостью возвышенные души, удовлетворяют честолюбцев и разжигают страсти у большинства. Именно такое положение дел пробудило политический фанатизм во Франции. Бедняков в присутствии богатых охватывала ярость вкупе с завистью; народ считал, что меньшинство узурпировало власть и роскошь. Зародыши подобных чувств существовали во все времена; но потрясти общество в его основах им удалось только во время террора во Франции.

Религиозный фанатизм возбуждает воображение; прелести жизни соблазнительны в глазах тех, кто их не отведал. Горный старец посылал своих ассасинов на смерть, обеспечивая им лучшую жизнь на земле, ради лучшей жизни люди готовы идти на смерть. Честолюбие ярится, защищая имеющиеся у него привилегии; обладание богатством всегда считалось несправедливым. У религиозного фанатизма и фанатизма политического две стороны: желание властвовать у тех, кто на вершине колеса, и пылкое желание свергнуть их у тех, кто внизу. Таков принцип любого насилия: повод меняется, причина остается, и взаимная ненависть не утихает. Вражда патрициев и плебеев, война рабов, война крестьян, война дворян и буржуа — в основе всех этих войн лежит проблема установления в обществе порядка и справедливости. Сегодня люди не

смогли бы существовать ни по отдельности, ни вместе, если бы у них в головах не закрепилось уважение к закону. Безличная власть представительного правления не уязвляет человеческую гордыню, и именно этот институт должен погасить факел ярости, зажженный в стране, где все были заражены себялюбием и эгоизмом.

Убийства, не менее ужасные, чем во времена террора, были совершены во имя веры; на протяжении нескольких веков человеческий род истощал себя в бесплодных усилиях, стремясь принудить всех людей к единой вере. Подобная цель не могла быть достигнута; идея толерантности, проповедуемая Уильямом Пенном, навсегда изгнала фанатизм с севера Америки, тогда как на американском Юге фанатизм приносил свои ужасные плоды.

То же самое происходит и с политическим фанатизмом; только свобода может погасить его факел. Во Франции различные классы общества практически не соприкасались между собой, отчего их взаимная антипатия лишь усиливалась. Но если ты лично познакомился с человеком и составил о нем свое представление, то, будь он даже преступником, ты не сможешь его ненавидеть. Ни в одной стране дворяне не были столь противопоставлены всей остальной нации: они соприкасались с низестоящим классом, только чтобы эксплуатировать его. В иных краях добродушие и привычки, в том числе и простонародные, определенным образом сближали людей, разобщенных установленными законами; но недостижимая роскошь французского дворянства лишь преумножала зависть, которую оно внушало. Подражать манерам аристократии было сложно, равно как и обладать ее привилегиями. В каждом слое общества воспроизводились одни и те же отношения, и нараставшее раздражение вспылчивой нации толкало каждого ревновать своего соседа, своего начальника, своего хозяина; а все те, кто обладал властью, не удовлетворяясь ею, унижали друг друга. Только преумножая политическое взаимодействие между слоями общества, предоставляя им способы совместного служения, можно усмирить сердца, обуреваемые самой ужасной из страстей — ненавистью смертных к своим ближним, преодолеть взаимное отвращение человеческих существ, которые упокоятся в одной и той же земле и вместе воскреснут в единый судный день.

*Перевод с французского и предисловие
Елены МОРОЗОВОЙ*